

Тетради

Русской экспертной школы

2017 № 3

Москва
Русская экспертная школа
2017

УДК 316. 75(470+671)
ББК 60. 0(2Рос)
Т37

Партнёры:

Всемирный русский народный собор
Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова
Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

Книга издана при финансовой помощи
Фонда просвещения «МЕТА»

Т37 **Тетради Русской экспертной школы № 3** : научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. – М. : «Русская экспертная школа», Пробел-2000, 2017. – 100 с.

ISBN 978-5-98604-626-6

Настоящий номер Тетрадей Русской экспертной школы представляет собой сборник экспертных позиций, обсуждавшихся на семинарах Школы в марте и апреле 2017 года. В этом номере рассматриваются следующие вопросы: как в западной философии возникли идеи о привилегиях меньшинств, где граница, после которой либеральные идеи перерастают в бунт против вероучения и порядка, в каком нравственном состоянии находилось русское общество накануне 1917 года и что такое неоколлаборационизм.

Наши электронные контакты:
ruseschool@yandex.ru
vk.com/ruseschool

ISBN 978-5-98604-626-6

© Русская экспертная школа, 2017.
© Щипков В. А. , 2017.
© «Пробел-2000», 2017.
© Фонд просвещения «МЕТА», 2017.

Содержание

Л. В. Поляков

Власть меньшинства.

Истоки идей о привилегиях меньшинств в западной философии 5

А. Б. Рогозянский

Православие и либерализм 23

С. Ю. Рыбас

Серебряный век и нравственное состояние общества

накануне 1917 года 51

А. Л. Вассоевич

Коллаборационизм и неоколлаборационизм 64

А. И. Кондрашов

Телевидение и нравственность 81

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК И НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА НАКАНУНЕ 1917 ГОДА

Серебряный век был довольно коротким периодом в культурной истории России. По разным оценкам, он начался в начале XX века и закончился в 1917 году, то есть продлился менее двух десятилетий. Почему он называется Серебряным? Потому ли, что был уникальным, величественным, сопоставимым по своему значению лишь с Золотым веком русской литературы?

Однажды Антон Павлович Чехов в письме к Алексею Николаевичу Плещееву со свойственной ему иронией выразился так: «Под флагом науки, искусства и угнетаемого свободомыслия у нас на Руси будут царить такие жабы и крокодилы, каких не знавала даже Испания во времена инквизиции. Вот Вы увидите! Узость, большие претензии, чрезмерное самолюбие и полное отсутствие литературной и общественной совести сделают своё дело. Все эти Гольцевы и Ко. напустят такой духоты, что всякому свежему человеку литература опротивеет, как чёрт знает что, а всякому шарлатану и волку в овечьей шкуре будет где лгать, лицемерить и умирать “с честью”»¹.

Антон Павлович не только как писатель, но и как доктор не ошибся в своём диагнозе. Интеллигенции Серебряного века было свойственно равнодушие к собственной судьбе, проклинание Бога и отцов, отрицание семьи и святости, культ греха, поиск наслаждений в своей короткой и бессмысленной жизни. Этот век поразили культурный мир свободой русского одиночества. Деятели Серебряного века уте-

¹ Бердников Г. П. «Чехов». М.: Молодая гвардия, 1974.

шались наркотиками, погружались в содом, стрелялись и топились.

Так, в 1913 году поэт Валерий Брюсов, оставшийся известным и уважаемым и в Советской России, подарил своей возлюбленной, поэтессе Надежде Львовой, браунинг. Оба, и Брюсов, и Львова, употребляли морфий и страдали от своей любви. Однажды Львова использовала подаренный ей браунинг по назначению — застрелилась. Среди людей их круга такие случаи не были чем-то из ряда вон выходящим. Как заметил Станислав Куняев, исследователь этой тайной стороны Серебряного века, в конечном счёте самоубийство стало обычным явлением для этой «серебряной» среды. Растление душ, как правило, завершалось жертвоприношением тел. Особенно рекордным по числу самоубийств был предвоенный 1917 год. Дети Серебряного века очень любили в своих стихах намекать или прямо говорить, что они играют с адскими силами, что они накоротке с владыкой тьмы, что их притягивают тёмные бездны зла.

Такие игры для их участников и для истории никогда не проходили бесследно. Игра в ад всегда заканчивались настоящим адом. Философ русского зарубежья Фёдор Степун² вычленял в структуре революционного духа три уровня: первый — энергия молодёжи, второй — энергия преступных элементов, третий — энергия особых демонических сил. Эта формула универсальна и действует вплоть до сегодняшнего дня. Думается, что подошедшая к краю духовной пропасти интеллигенция чувствовала, что оказалась между жерновами, и ей уже не суждено спастись. Зинаида Гиппиус описала это ощущение в 1909 году в стихотворении «Петербург» такими страшными словами:

Твой остов прям, твой облик жёсток,
Шершавопыльный — сер гранит,

² Фёдор Августович Степун (18 февраля 1884, Москва – 23 февраля 1965, Мюнхен) — социолог, историк, философ-неокантианец, литературный критик, общественно-политический деятель.

И каждый зыбкий перекрёсток
Тупым предательством дрожит.

Твоё холодное кипенье
Страшной бездвижности пустынь.
Твоё дыхание — смерть и тленье,
А воды — горькая полынь.

Как уголь, дни, — а ночи белы,
Из скверов тянет трупной мглой.
И свод небесный, остеклелый
Пронзён заречною иглой.

Бывает: водный ход обратен,
Вздыбась, идёт река назад...
Река не смоем рыжих пятен
С береговых своих громад,

Те пятна, ржавые, вскипели,
Их ни забыть, — ни затоптать...
Горит, горит на тёмном теле
Неугасимая печать!

Как прежде, вьётся змей твой медный,
Над змеем стынет медный конь...
И не сожрёт тебя победный
Всеочищающий огонь, —

Нет! Ты утонешь в тине чёрной,
Проклятый город, Божий враг,
И червь болотный, червь упорный
Изъест твой каменный костяк.

Такое жуткое пророчество демонстрирует внутреннее состояние его автора. При этом оно было выражено очень известной и талантливой поэтессой, одним из духовных лидеров Серебряного века.

С восторженно-декадансным состоянием интеллигенции соседствовало деморализованное состояние народа. 3 марта 1917 года, в разгар революционного движения, французский посол Жорж Морис Палеолог в своём дневнике размышлял над словами Феофана, епископа Вятского, о моральных настроениях в народе. Факты, которые привёл посол, весьма любопытны: «Кинематографы, которые теперь можно видеть в любом местечке, тоже являются причиной нравственного разложения. Эти мелодраматические приключения, сцены похищения, воровства, убийства слишком опьяняют простые души мужиков — их воображение воспламеняется, они теряют рассудок». Кино тоже создавалось «серебряной» творческой интеллигенцией и находилось под влиянием её культуры.

Епископ Феофан отмечал небывалое число сенсационных преступлений, произошедших за последние несколько месяцев не только в Вятской епархии, но и в соседних: в Екатеринбурге, Тобольске, Перми и Самаре. Кроме того, он указывает на совсем новый порок, «о котором русские массы не имели даже никакого представления до последнего времени и который представляет для них гнусную привлекательность: морфий». «Зло вышло из всех этих военных госпиталей, покрывающих страну. Многие врачи и аптекари приобрели привычку впрыскивать себе морфий; через них употребление этого лекарства распространилось среди офицеров, чиновников, инженеров, студентов. Вскоре и больничные служители последовали этому примеру. Это было гораздо опаснее, потому что они начали морфий продавать»³. Символично, что в период, который мы сегодня называем Серебряным веком, морфий продавался в аптеках в серебряных колбочках.

³ Палеолог М. Царская Россия накануне революции: Пер. с фр. 2-е изд. М.: Межд. отн., 1991.

Александр Блок, знаменитый поэт Серебряного века, видел проблемы происходящего в духовном состоянии людей: «Интеллигентных людей, спасающихся положительными началами науки, общественной деятельности, искусства, — всё меньше; мы видим это и слышим об этом каждый день. Это естественно, с этим ничего не поделаешь. Требуется какое-то иное, высшее начало. Раз его нет, оно заменяется всяческим бунтом и буйством, начиная от вульгарного «богоборчества» декадентов и кончая неприметным и откровенным самоуничтожением — развратом, пьянством, самоубийством всех видов»⁴.

Христианский философ Семён Людвигович Франк в своей статье «Этика нигилизма», вошедшей в знаменитый сборник «Вехи», так объяснял природу политического сознания разночинной интеллигенции: «Весь политический и социальный радикализм русской интеллигенции, её склонность видеть в политической борьбе, и притом в наиболее резких её приёмах — заговоре, восстании, терроре и т. п., — ближайший и важнейший путь к народному благу всецело исходит из веры, что борьба, уничтожение врага, насильственное и механическое разрушение старых социальных форм сами собой обеспечивают осуществление общественного идеала». <...> Психологическим побуждением и спутником разрушения всегда является ненависть, и в той мере, в какой разрушение заслоняет другие виды деятельности, ненависть занимает место других импульсов в психической жизни русского интеллигента»⁵.

Ещё проще смотрел на эту проблему Алексей Сергеевич Суворин, мрачный издатель «Нового времени», крупнейшей российской газеты, которую читал даже царь. 29 мая 1901 года он оставил в своём дневнике запись: «У нас два царя: Николай II и Лев Толстой.

⁴ Блок А. А. Народ и интеллигенция // Собрание сочинений в 8 т. М.-Л.: Гослитиздат. Ленингр. отд-ние, 1962. Т.5, с. 318–328.

⁵ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции / Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон и др. М.: Новости, 1990.

Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии». Тот же Суворин после встречи с Достоевским (важная деталь) отмечал в дневнике поразительное признание великого писателя: «Тут же он сказал, что напишет роман, где героем будет Алёша Карамазов. Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы политическое преступление. Его бы казнили. Он искал бы правду и в этих поисках, естественно, стал бы революционером...»⁶ Достоевский, глубоко православный писатель, монархист, именно так видел туманное будущее, но он не был «революционным пироманом». В самой истории страны была заложена странная матрица — разрушения и одновременно обновления, что уже случалось и при Иване Грозном, и при Петре Великом, и при Александре II Освободителе. Александр Блок в 1908 году в статье «Народ и интеллигенция» определил проблему так: «Действительно ли это всё так, как я говорю, не придумано ли, не создано ли праздным воображением страшное разделение? Иногда сомневаешься в этом, но, кажется, это действительно так, то есть действительно не только два понятия, но две реальности: народ и интеллигенция; полтора миллиона с одной стороны и несколько сот тысяч — с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основном. Среди сотен тысяч происходит торопливое брожение, непрестанная смена направлений, настроений, боевых знамён. <...> Среди десятка миллионов царствуют, как будто, сон и тишина»⁷.

Интеллигенция видела и сознавала своё положение. Но как объяснить то, что именно она согласилась стать бродильными дрожжами Февраля? Почему она не видела иного пути? Неся идею культурного прогресса, обслуживая финансовую и промышленную

⁶ Суворин А. С. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М.: Независимая Газета, 2000.

⁷ Блок А. А. Народ и интеллигенция // Собрание сочинений в 8 т. М.-Л.: Гослитиздат. Ленингр. отд-ние, 1962. Т. 5, с. 318–328.

олигархию и уповая получить свою часть власти, интеллигенция во время войны сделала свой выбор. Победа императорской России в войне была для неё нежелательной, причём это выразилось в поражённом призыве не так, как у европейских социал-демократов, в швейцарском Циммервальде, а дома, в повседневной, по виду даже патриотической пропаганде. Уже на второй день войны Зинаида Гиппиус написала в своём дневнике: «Что такое отечество? Народ или государство? Всё вместе. Но, если я ненавижу государство российское? Если оно — против моего народа на моей земле? <...> Военная победа — укрепить самодержавие... <...> Учитывая реальность войны, я желаю сейчас победы союзников»⁸.

Эта двойственность со временем стала проявляться во всё более жёстких формах. Культуролог Владимир Вейдле отмечал: «Ленин был едва ли не одарённейшим из всех революционеров, когда-либо делавших революцию. Свой изумительный талант революционера доказал всем своим руководством революцией, лишь по видимости основанным на учении о классовой борьбе, на самом деле проистекавшим из понимания исконной, хоть и дремотной, вражды русского народа не столько к кулаку и толстосуму, сколько к барину, то есть человеку, быть может, и небогатому, но носящему пиджак и воротничок, читающему книжки, живущему непонятной и ненужной народу жизнью»⁹.

Народная Русь, со времён Петра более 200 лет ощущавшая себя под «романно-германским игмом» (определение Николая Трубецкого), обрушилась на Санкт-Петербургскую империю в цивилизационном конфликте небывалой силы. Идея справедливости и правды победила идею закона и реформ. Вспомним высказывание Бердяева: «Царь же охранял культурный слой от напора народной тьмы, не нуждавшейся в высшей культуре»¹⁰.

⁸ Гиппиус З. Н. Дневники. М.: Захаров, 2017.

⁹ Вейдле В. Умирание искусства. М., 2001.

¹⁰ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012.

Накануне Первой мировой войны в Суворинской газете «Новое время» была опубликована статья Михаила Осиповича Меньшикова «Секреты немецких успехов». Это была главная консервативная газета того времени, и она читалась в России всеми, включая царя. В ней Меньшиков писал: «Мы плохо знаем и Германию, и Россию. Твердя, что Францию победил под Седаном школьный немецкий учитель [речь о франко-прусской войне 1870–1871 годов, когда Германия победила Францию и стала империей — С. Р.] мы не догадываемся, что Россию разбил под Мукденном... [речь о русско-японской войне 1904–1905 годов — С. Р.] русский школьный учитель. Именно своей отвратительной школе сверху донизу Россия обязана и военными, и мирными своими поражениями. «Когда попадешь в народную школу Германии, — пишет мне упомянутый почтенный учёный, — то наглядно убеждаешься, что иных результатов, кроме великих, она дать и не может. До такой степени там поставлена просто и здравомысленно фабрикация пригодных к жизни молодых людей. В простоте и здравомыслии школьных приёмов вы, однако, различите великие начала, высказанные когда-то плеядой гениальных педагогов начиная с Коменского. Например, концентрация преподавания различных предметов кроме знаний вводит в душу ребенка одни и те же положения нравственного порядка — любовь к семье, к родине, к отечеству, религиозность, мужество, верность, правдивость и т. д. Немецкая школа воспитывает нравственных людей, наша же, схоластическая, развращает их. «Du, Deutsches Kind, sei tapfer, treu und wahr!» («Немецкий ребенок, будь храбрым, преданным, честным!») — вот моральный лейтмотив немецкой школы. Часто ли он слышится в русской? В то время как немецкая школа не стыдится открыто выставить добродетель как национальное преимущество немцев, у нас само слово «добродетель» иначе не произносится, как иронически. Благодаря способу воспитательного преподавания дети кроме знаний выносят из немецких школ нечто неизмеримо более драгоценное — чувство долга, нравственные правила, вполне определённые, составляющие как бы

кремль души. Кругозор немца, может быть, и замкнутый, но стойкий, дающий опору благородному характеру. Какое великое облегчение для большинства средних натур иметь уже заранее готовые директивы поведения и во многих жизненных случаях поступать не думая, не колеблясь, по привычке и в то же время правильно, без ошибки. Для свободы остается ещё много места, но она рационально стеснена и не является беспочвенной, как у нас»¹¹.

Отдельно стоит вопрос о положении и настроении русского духовенства, численность которого насчитывала десятки тысяч человек. Государство не уделяло должного внимания этому вопросу и не укрепляло авторитет своего естественного и массового союзника. Авторитет сельских батюшек был низок, они были бедны и морально зависели от крестьян. В истории сохранилось много житейских историй, подтверждающих этот факт. Например, крестьяне, долженствующие содержать приход и священников, должны были оплачивать требы, давать своеобразный религиозный налог. Иногда священнику давали плату натуральном продуктом, например, курицей в мешке. Бывало, открыв дома мешок, священник видел, что там вместо курицы — ворона.

Вот как после Октябрьской революции выглядела русская деревня, согласно одному этнографическому исследованию: «Деревенская Россия вся расписана на колдовские приходы, нисколько не хуже церковных. В каждом селе четыре основные фигуры: священник, учитель, фельдшер, колдун. Частенько не хватает учителя, фельдшера, батюшки, но колдун уж, наверное, есть. Колдуньи же прямо на каждом шагу... Раньше колдовство было запрещённой, подпольной верой, но теперь оно действует открыто. У колдуна приём, порою прямо очередь. В одном селе у колдуна до 4000 пациентов в год, вдвое больше, чем у местного фельдшера. В другом селе порою до ста человек в день... Колдовство вообще не чуждо улучшений и

¹¹ Из статьи М. Меншикова «Секрет немецких успехов» (6 марта 1914 года).

новых приёмов. Оно приняло к себе на службу грамотность, и заговоры теперь записываются на бумажку и сшиваются в тетрадку... С причудливыми заговорами там переплетаются старинные рецепты о действии трав и земель и металлов, тоже унаследованные от седой старины»¹².

Русская этнокультурная система, эволюционировавшая более четырёх веков, к началу Первой Мировой войны приобрела весьма сложную структуру. Можно сказать, она состояла из нескольких частей, находящихся в различных исторических временах, что создавало напряжение. Питирим Сорокин отмечал, что основа гражданской войны – это не экономика, а разные идеологические представления. Именно поэтому сосуществование разных исторических времён было чревато гражданскими конфликтами и была исключительно велика роль института монархии. Единственным гарантом сосуществования двух принципиально различных социокультурных ядер на одной этнической территории был монарх.

Это понимал ещё Александр III, который добивался синтеза двух России: объединения национального мироощущения и современной техники и технологий, подобно тому как проходила индустриализация в Японии. Его сыну это не удалось: русско-японская война вывела этнокультурную систему из равновесия, а революция 1905 года вскрыла не только острейший экономический конфликт между крестьянами и помещиками по поводу земли, но и цивилизационный — желание крестьян выйти из-под власти дворян. Бердяев писал: «Западное просвещение XVIII века в верхних слоях русского общества было чуждо русскому народу... Народ же продолжал жить старыми религиозными верованиями и смотрел на барина, как на чуждую расу... Крестьяне готовы были мстить за своих дедов и прадедов. Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык,

¹² Тан-Богораз В. Г. Старый и новый быт // Старый и новый быт: Сборник. Л.: Гос. изд., 1924.

был совершенно чужд народу-крестьянству, воспринимался как мир другой расы, иностранцев»¹³.

Чтобы лучше понять внутриэлитные противоречия времён Серебряного века, можно обратиться к более близкой нам эпохе — перестройке.

Один из членов Политбюро ЦК КПСС Александр Николаевич Яковлев, архитектор перестройки, позже так описал процесс идеологического и государственного обрушения Советского Союза: «После XX съезда [тогда он уже работал в ЦК партии — прим. Рыбаса] в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего Ленина. Надо было ясно, чётко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о «гениальности» позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому «плану строительства социализма» через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционаризму вообще. Начался новый виток разоблачения «культы личности Сталина». Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущёв, а с чётким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна»¹⁴.

Эти строки написаны в предисловии Яковлева к «Чёрной книге коммунизма», изданной в Москве в 1999 году. Если учесть, что Яковлев был ближайшим сотрудником Горбачёва и имел колоссальное влияние на пропагандистскую машину государства, то проведённую

¹³ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

¹⁴ Цит. по: Чёрная книга коммунизма / С. Куртуа, Н. Верт, Ж.-Л. Панне, А. Пачковский, К. Бартошек, Ж.-Л. Марголен. М.: «Три века истории», 2001.

им кампанию десталинизации и уничтожения идейных основ Советского Союза, включая дискредитацию Победы, можно оценить фантастически действенной.

В 1989 году меня пригласили на Центральное телевидение (Центральное телевидение Гостелерадио СССР) главным редактором литературно-художественной редакции (позже я руководил двумя редакциями, был генеральным директором телевизионного объединения, которое сейчас называется канал «Культура»). Однажды мне позвонил А. Яковлев: «Надо давать побольше рока!» Потом звонит Е. Лигачёв, тоже член Политбюро, консерватор: «Побольше народной музыки и никакого рока!» Это означает, что власть была полярно размежёвана. Никто тогда не собирался разрушать Советский Союз так же, как до этого либеральная публика не собиралась разрушать Российскую империю. Часть элит просто хотела поменять власть, распорядиться ею по своему усмотрению.

На советском Центральном телевидении, в бытность моей работы на нём, были две группировки: одна государственническая, в которую я входил как один из неформальных лидеров, и другая, противостоящая ей молодёжная редакция, — Сагалаев, Лысенко, Любимов. Они выступали за то, чтобы демонтировать советскую власть, настаивая на том, что тогда всё будет хорошо. Но проблема была не в этих отдельных людях: само государство (это же было государственное телевидение) пошло на то, чтобы держать эти две группировки. Накануне референдума о судьбе Советского Союза в марте 1991 года я записал несколько передач для программы «Вечера в Останкино» на «Первом канале», беседовал с академиком Игорем Шафаревичем, выдающимся математиком мирового уровня, соратником Солженицына и соавтором сборника «Из-под глыб». Игорь Александрович, несмотря на критическое отношение к реалиям Советского Союза, высказался однозначно: ни в коем случае нельзя разрушать государство, это высшее достижение России, его можно реформировать, но не разрушать. Также мы сделали ещё одну запись с выступлением Кубанского казачьего хора под руко-

водством В. Захарченко (эта музыка будила патриотические чувства). Я взял эти две кассеты и пошёл к председателю Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию Л. П. Кравченко с просьбой поставить эти передачи в эфир (оставалось два дня до референдума). Он закрылся на ключ в своём кабинете, (подчёркиваю: закрылся!) и смотрел мои кассеты, после чего сказал: «Чтоб никто не знал». Он сломал сетку вещания, которая планируется заранее, и поставил эти передачи в эфир. Что здесь важно: председатель Госкомитета закрылся, потому что боялся, что кто-то узнает и доложит «наверх», после чего ему позвонят от более высокого руководства и запретят ставить в эфир материалы в поддержку Советского Союза. Этот пример демонстрирует, что тогда власть раскололась внутри себя.

Ещё был случай примерно в это же время: я сделал передачу, посвящённую статье Солженицына «Как нам обустроить Россию» (статья опубликована в 1990 году). Для неё мы взяли интервью у нескольких «оппозиционеров» — православных философов. После того как передача прошла в эфире, на следующей летучке (всё руководство собиралось по понедельникам, в том числе политические обозреватели) Владимир Познер, политический обозреватель, обратился ко мне со словами примерно следующего содержания: поскольку у нас Церковь отделена от государства, то цитирование Библии подлежит судебному преследованию. Для меня эти слова были шокирующими. Я не подозревал, что во времена поздней перестройки цитировать Библию было таким страшным преступлением, но Познер обрушился на меня с яростью врага. Это были последние месяцы жизни Советского Союза.

В этом смысле в позднем Советском Союзе повторился такой же раскол внутри элиты, какой был во время Серебряного века, и в этом смысле повторилась история.